

Андрей ПОРТНОВ

ГОТОВА ЛИ УКРАИНА К ВЗРОСЛЕНИЮ?

В последнее время автору этих строк не раз приходилось говорить о невозможности появления в Украине книги, которая могла бы вызвать общественную дискуссию, хотя бы отдаленно напоминающую польские дебаты по поводу “Соседей” и “Страха” Яна Томаша Гросса.¹ Публикации Гросса об участии польского населения городка Едвабне в убийствах евреев во время немецкой оккупации и послевоенном антисемитизме вызвали огромный (в том числе медийный и политический) резонанс, поскольку были прочитаны как удар по важнейшему для национального самосознания образу Польши – жертвы Второй мировой войны и нации, наименьшим образом замешанной в коллаборации с нацистами. Дополнительную остроту и болезненность этой дискуссии придал тот факт, что публикации Гросса вышли в престижных американских университетских издательствах, а польские интеллектуальные элиты и общество в целом остаются очень чувствительными к образу их страны и её истории на “Западе”. Критики Гросса привели немало источниковедческих и методологических замечаний по поводу построения основных выводов его работ, в то время как их оппоненты подчёркивали скорее моральные и этические аспекты проблемы. В этом смысле дискуссия типологически напоминала дебаты в Германии о более чем неоднозначной с методологической точки зрения книге

---

¹ Jan T. Gross. *Neighbors*. Princeton, 2001; *Idem*. *Fear. Anti-Semitism in Poland after Auschwitz*. New York, 2006.

“Hitler’s Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust”
Дэниэла Голдхагена.²

Позволю высказать предположение, что “Erased” Омера Бартова не вызовет подобного резонанса в Украине. Хотя книга, которая была недвусмысленно написана для американского, западноевропейского и израильского читателя, уже в ближайшем времени появится на украинском языке. Когда наш журнал *Україна Модерна* задумал форум вокруг текста Бартова, мы ничего не знали о планирующемся переводе. Мы хотели попробовать обсудить в украиноязычном пространстве важную публикацию об Украине, вышедшую по-английски. Здесь уместно заметить, что языковой барьер, отделяющий основную массу украинских историков от их коллег за рубежом, размывается чрезвычайно медленно. Для того, чтобы та или иная работа стала предметом полноценного обсуждения в Украине, она должна быть издана по-украински (ситуация с русскими переводами или публикациями в России и их влиянием на украинский историографический процесс уже сейчас существенно отличается от советских времен). Кроме того, в Украине нет изданий, подобных реферативным сборникам ИНИОН, которые бы систематически (пусть выборочно) знакомили сообщество гуманитариев с важнейшими иностранными публикациями. Мы достаточно легко собрали для нашего форума более или менее содержательные рецензии, общим знаменателем которых являлась необходимость их перевода на украинский язык (с английского, немецкого и русского).

Другая важная черта интеллектуального контекста, в который попадёт перевод книжки Бартова – отсутствие устоявшейся традиции и навыков писания о Холокосте. Советский нарратив о войне не выделял специфические национальные страдания, поэтому в местах массовых убийств евреев если и стоят памятные знаки советских времён, то в честь “мирных граждан – жертв фашизма”. В националистическом же нарративе (который, как представляется, уступает советскому в монолитности и объединяет как минимум несколько течений) роль жертвы зарезервирована за украинцами, а вопрос о поведении местного населения или участии националистических партизанских формирований разного толка в уничтожении евреев и поляков относится к разряду табуированных. Когда Данило Шумук написал об этом в своих воспоминаниях “За східним обрієм”, диаспорное парижское издательство

---

² Daniel Jonah Goldhagen. Hitler’s Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York, 1996.

посчитало нужным сопроводить публикацию примечанием: “некоторые рассказы об украинском освободительном движении во время Второй мировой войны и сделанные в диалогах выводы не отвечают исторической действительности”.³

В постсоветской Украине нашлось место и для советской, и для националистической исторической схемы, а также для различных вариаций их совмещения. Школьный учебник представляет одну из попыток такого совмещения. В нем дано комплиментарное описание партизанских действий УПА при замалчивании или эвфемизации участия националистов в антиеврейских акциях и масштабной антипольской операции 1943 г. на Волыни, вошедшей в польскую историю как “волынская резня”. При этом действия Советской армии преподнесены как “освобождение от фашистов”, а термин “Великая Отечественная война” сопровождает это описание. Он сохранил свою легитимность на протяжении всей постсоветской истории Украины и использовался в официальных государственных мероприятиях всеми президентами страны. Иногда употребление этого конструкта советской пропаганды (внимание Комиссии по фальсификациям!) бывает почти комичным. Например, в конце 1990-х годов в Днепропетровске была издана книжка о локальном националистическом подполье под названием “Националистическое движение сопротивления на Днепропетровщине в годы Великой Отечественной войны”.

И президент Кучма, и президент Ющенко придерживались идеи “единства украинского народа в войне”. Мол, воевали украинцы по разные стороны фронта, но за общую цель – “независимую, свободную Украину”. В этом контексте в речах Ющенко о войне через запятую упоминались главнокомандующий УПА Роман Шухевич и смертельно раненный уповцами советский генерал Николай Ватутин. В то же время Ющенко впервые попробовал интегрировать в свои выступления о войне такие её аспекты, как Холокост и депортация крымских татар. В целом, несмотря на типичное для современной Украины мирное сосуществование памятников советским солдатам и воинам УПА или советских и постсоветских памятных знаков жертвам Холокоста, про-

³ Хотя практика пропусков и умолчаний широко практиковалась в эмигрантских изданиях документов ОУН и УПА, к чести издательства “Смолоскип” им. Василя Симоненко нужно признать, что собственно тексты Шумука они не правили и не цензурировали. См.: Karel C. Berkhoff. *Ukraine under Nazi Rule (1941–1944): Sources and Finding Aids. Part II. Published Materials // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. Bd. 45. H. 2. Pp. 273-309.

ект примирения ветеранов и создания единого национального образа войны вряд ли можно считать успешным.

Своеобразным признанием этого является и указ о присвоении звания Героя Украины Степану Бандере, изданный Ющенко после провального для него первого тура президентских выборов. Не могу избавиться от ощущения, что это решение вызвало гораздо более бурную реакцию в польской, российской и израильской прессе, нежели в украинском обществе. Ющенко нанес очень болезненный удар по своей репутации в Польше (представим на секунду, что на роль “героя” выбрали бы более раннюю жертву советских спецслужб – Симона Петлюру. Российская и израильская реакция была бы подобной, но в Польше прежде всего вспоминали бы Варшавский договор 1920 г. и проекты польско-украинского сотрудничества⁴). Удалось спровоцировать даже Европейский парламент, который призвал нового президента к пересмотру его решения.

Несколько абстрагируясь от языка политкорректности международной политики, присвоение Бандере звания Героя Украины любопытно прочесть в контексте конвергенции советского и националистического нарративов. Сам внешний вид награды является калькой с Героя Советского Союза. Только орденская ленточка теперь не красная, а сине-жёлтая. Думал ли Бандера, что в независимой Украине будет удостоен высшей государственной награды в форме пятиконечной звезды?! Не менее любопытный вопрос в этой связи – поразительная советскость стилистики памятников Бандере в Галиции и на Волыни (в других украинских регионах, даже на так называемом “западе” страны, их нет). На этих монументах, о чем мне уже приходилось писать, Бандеру нелегко отличить от того же маршала Ватутина или Александра Матросова.

Вернемся к репрезентациям Холокоста. Основные работы об уничтожении евреев на территории Украины написаны по-английски и по-немецки. В настоящее время продолжается достаточно активная популяризация этой темы в украинском интеллектуальном простран-

---

⁴ Не могу в этом контексте не вспомнить рассказов инициатора издания по-русски избранных статей Симона Петлюры в серии “Библиотека украинской мысли” Дмитрия Фурмана о реакции читателей, недоумевающих, зачем издавать тексты такого “бандеровца”. Вопрос о стратегии и техниках создания советского пропагандистского образа Петлюры и Бандеры, которые сначала популяризировались как “вожди украинского буржуазного национализма”, а затем стали подаваться в рамках оппозиционного, глорифицирующего дискурса, слишком важен, чтобы не упомянуть о нем в контексте настоящего форума.

стве, чему способствуют, прежде всего, публикации и публичные дискуссии Украинского центра изучения Холокоста, Центра иудаики при Киево-Могилянской академии, Центра городской истории Центрально-Восточной Европы во Львове и нескольких интеллектуальных изданий (*Критика*, *Ї*, *Україна Модерна*). Хотя общественный резонанс от этих публикаций не стоит переоценивать, они показали несколько важных особенностей восприятия темы.

Прежде всего, речь идет о способах и возможностях перенесения сформированных на Западе и достаточно нормативных стандартов письма о Холокосте на несколько иные, чем немецкие или североамериканские, социальные реалии. Основная линия критики книги Бартова – акцентирование категоричности её выводов при достаточно очевидной географической, контекстуальной, источниковой (особенно если речь идет о украиноязычных источниках) ограниченности. В “Erased” можно легко обнаружить отсутствие более широкой перспективы политики памяти в постсоветской Украине, игнорирование её динамики. Также в книге бросаются в глаза клише, мгновенно узнаваемые и понимаемые западным читателем.

Готова ли Украина прочесть такой текст о себе (а точнее, о своей восточной Галиции)? Переводим ли он вообще на украинский язык? (Речь идет не о буквальном переводе, но об образном, символическом, категориальном.) Будет ли такой перевод способствовать развитию публичной дискуссии в Украине? В этом смысле меня чрезвычайно интригует, какие отзывы о книге попадут на оборот суперобложки украинского издания. На обложке англоязычного издания наиболее интересен помещённый первым отзыв Дэвида Энгеля из Нью-Йоркского университета, отмечающий книгу Бартова за то, что она убедительно показывает, насколько евреи, даже в роли “артефакта” далекого прошлого, “остаются (в описанном регионе) нежеланными гостями”.

Любопытно и то, что, упрекая Бартова в “ориентализации” современной Украины и отсутствии минимальной эмпатии к проблемам и контекстам трансформации этой страны, его критики сами (сознательно или нет) принимают слегка ориентализированный образ Украины, пока что “не готовый” к серьезному и принципиальному разговору о тёмных пятнах собственной истории. Наиболее чуткие из критиков, почти по Борхесу, предлагают отделить достоинства книги от достоинств её предмета (несомненно важного). Принципиально иной подход – сознаюсь, достаточно неожиданно для автора этих строк – предложил Илья Герасимов. Он призвал отнестись и к теме книги, и к изложенным

в ней фактам со всей серьёзностью, отказаться от мышления о себе в постколониальных категориях, не делать послаблений на постсоветский статус или многовековую дискриминацию и попробовать помыслить о себе как о полноценной европейской нации. А если амбиции высоки, то и спрос должен быть такой, как с немцев, французов или поляков.

Конечно же, услышав призыв к непростому, но взрослению, можно вспомнить об особенностях украинского посттоталитарного плюрализма (когда, например, европейскими правовыми нормами можно обосновывать неприятие украинского языка как такового), о неспособности властей за все годы независимости юридически определить статус воинов УПА, что провоцирует комплексы угрозы и неполноценности, блокирует готовность к разговору на “трудные” темы и выливается например, в переименование во Львове улицы Лермонтова в улицу Дудаева.⁵ Всё это важные элементы контекста, которые вполне бы украсили публикацию Бартова, даже если это только травелог или путевые заметки. Тем не менее мне бы очень хотелось, чтобы именно цитата из эссе Герасимова появилась на обороте суперобложки украинского издания.

SUMMARY

Andrii Portnov claims that the Ukrainian intellectual context does not favor the national discussion of Bartov’s *Erased* that would resemble the Polish discussion of *Neighbors* (by Jan Gross) or the German discussion of *Hitler’s Willing Executioners* (by Daniel Goldhagen). In Ukraine, there is no tradition of writing and talking about the Holocaust, and the discursive field of World War II history is dominated by the old Soviet and new heroic national narratives, or – most interestingly – by their synthesis. Most studies of Jewish extermination on the territory of present-day Ukraine are written in English or in German and remain inaccessible to the Ukrainian-language audience. *Erased*, in Portnov’s view, shows the limitations of direct “translation” into the Ukrainian social reality of the standard Western tropes

---

⁵ Интересно, что едва ли не единственным интеллектуалом, публично выступившим против такого решения как проявления “провинциализма”, был замечательный канадский литературовед Юрий Луцкий. Он же вспомнил о том, что на львовской улице, носящей сегодня имя Бандеры, стоит Академическая гимназия, директор которой – Иван Бабий – был в 1934 г. убит по решению Революционного трибунала ОУН за “сотрудничество с оккупационной польской властью”.

of Holocaust writing. Portnov contrasts the categorical nature of Bartov's conclusions to the limited geographical and historical scale of his analysis (not to mention his poor use of Ukrainian-language sources). Still, Portnov believes that a willingness to accept Bartov's conclusions can push Ukraine beyond the colonial-postcolonial deadlock.